

Звон железных ржавых цепей заглушали крики грешников. Не сосчитать человеческих лиц, глаза которых пылали голодом и злобой за совершенную несправедливость. Всех неверных, захваченных посадили по стальным решёткам. Дурман и антисанитария дарили «прекрасный аромат», который приводил в чувства даже потерявших сознание от боли.

Двое наёмников вели за толстые верёвки очередного нечестивца, еретика, отрепья в людском обличье. Большое число синяков, ссадин, порезов, и ушибов покрывали юное шестнадцатилетнее тело, подготовленного бойца, попавшего в плен. Война сделала из него очередную игрушку в руках государства, которую с детства учили терпеть боль, унижение, и страдание. Отбирали самых сильных и лишь немногие доходили до конца, становясь воинами несущими смерть и поддерживающими лад в семье, и стране. Предательство в войне уничтожило последние шансы на спасение. Теперь людей как живой скот клеймили и подготавливали к заключению в рабство, не только самого человека, но и последующих детей появившихся на свет от пленника. Нити судеб рассыпались в прах; мечты, желанья, и стремления были втоптаны в грязь. Следом войны останутся вечными шрамами на людских воспоминаниях.

В последний раз молодой воин смотрит назад во тьму, в которой видит сияющий блеск слез матери, сестры, и любимой. Невольно кулаки сжимаются от жестокости судьбы. Ногти рук впились в черствые, грязные, загрубевшие ладони и пролили молодую кровь. Ледяной океан ненависти образовался на сердце. Взгляд превращался в звериный, но было уже поздно сопротивляться - печать была наложена. В центре груди виднелось клеймо ужасной формы, высженная плоть и ручейки крови продолжали засыхать.

Свет в конце каменных коридоров слепил глаза, возгласы отдавались шумом в голове: «Следующего!», - кричала толпа, жаждущая увидеть новую порцию свежего представления пыток и убийств.

По деревянным ступенькам поднимался юноша к своей участи. Деревянная платформа, крест посередине, справа котёл с кипящим маслом, слева бронзовая корова накалённая докрасна.

Рабы дворян двинули колесо лотереи. Выпавшая доля была не из лучших: деревянная стрелка указала крест и ручное железное сверло. Тело грешника привязывали к всеобщему обозрению. Верёвки перетянули столь сильно, что руки и ноги немели и холодели. Отток крови морозил жилы, кожа перетиралась в кровавое месиво. Без того в изнеможённое тело голодом и жаждой добавились красные линии. Надежда с каждым мигом угасала, а краски мира темнели. Прежний вид в очах вернул палач, положивший начало. Хлад металла коснулся кожи героя, и начал движение. По часовой стрелке сверло не опрятной формы и покрытое грязью, начало давить. Рвущиеся сухожилия и дробящиеся кости становились болью для обладателя. Юноша твердо молчал, скрипя зубами, терпя нарастающую боль. Миг растягивался, и казалось, что этому не будет конца.

Так одна за другой конечности были продырявлены, а в образовавшихся местах свернулась кровь. Искусная работа палача не задела важные кровеносные пути. Внешний вид плачевен: побледневшее лицо, голодающая кожа и пустые глаза.

“Когда все закончится, он заплатит сполна, они все заплатят сполна!” - чуть ли криком взорвались мысли внутри юноша, пытаясь напомнить себе где находится и среди кого.

Образовалось впечатление, что скоро жизнь оборвется.

Жестокие мысли пробегали в голове, с каждой минутой страданий разум желал свернуть палача в трубочку и перекроить под навалом тысяч лошадей.

Пытки на этом не закончились: крест расположили горизонтально, пустым взглядом в небо. Поворотный механизм позволял вращать под любым углом и в любом направлении грешника. Несколько рабов несли клетки с мышами, раскалённые угли, и стальной молот.

Но подошёл один из наёмников и прошептал на ухо палачу слова, которые уберегли жизнь, висящую на обрыве в мир мёртвых. Мучения прекратились, а раны залатали магической мазью, которая восстанавливала повреждённые части. Было обычаем: когда продают человека в рабство, то его подлечат до того состояния, в котором он пришёл.

Дворяне, следившие за представлением, слабо понимали, кого могло заинтересовать подобное отребья в человеческой шкуре? Ни таланта, ни магии, ни силы души, ни проклятых замков и печатей. Как это безродное и бездарное существо имело право на существование?

Сила души и открытие врат - это тесная связь воина, не только с физической силой, но и духовной, ведь сильный боец мог пересекать обычные пороги человеческих возможностей. Проклятые замки и печати представляли собой запретный талант, находящийся в каждом живом существе; лишь выбор владельца позволит вырваться и явить миру, что скрыто внутри.

Страх проник в сердца смертных, потому они искали практикующих столь запретное и уничтожали. В дни империи, было поистине редким событием повстречать обладателя дара тьмы и хаоса.

Дворяне продолжали вести негромкую беседу, кому мог понадобиться юноша? Но проявлять неуважение - нетактично. Новый губернатор не потерпит подобного отношения к столь священному, для него, дню. Помимо благородных за происходящим следило обычное население, ведь надо же, развеивать вечную рутину.

Богатые носили костюмы различных красок, а дамы украшены драгоценными камнями. Конечно не на открытом воздухе, но наблюдать из-за окна никто не запрещал, потому каждый, кому нравится подобное смотрел и наслаждался. Получаемое было в разы больше, ведь врага совсем не жалко, а избавиться от лишних ртов всегда необходимо, даже выгодно. Вдобавок были традиции заставлять новых рабов работать на полях, но это сильно не помогало. Потому применялись столь жестокие меры. Любой из дворян мог востребовать, даже во время пытки, раба. Таким действием он возлагал на себя ответственность за кормление и другие бюрократические тонкости.

Юноша пытался открыть глаза и подвигаться. Первое ещё возможно, но второе стало трудностью ведь запас крови попросту ничтожно мал. Эхо голоса отдавалось болью в голове.

- Просыпайся, тебя ждёт мастер, - с омерзением и неким непониманием проговорил наёмник.

«Почему этому юноше суждено пройти страдания, страшнее прежних? Неужели этому деду мало простых детей и женщин для кровавых опытов?» - мысли охранника превратились с первыми звуками от лежащего недавно тела.

Скуля от боли и пытаясь отойти от произошедшего, ведь мазь была далека от эффективности драгоценных зельев исцеления, которые могли вытащить из лап смерти, он аккуратно двигаясь, дабы не вызывать подозрений, встал.

- Идём, - продолжал холодно говорить наёмник.

Легко кивнув, юноша пошёл - ему ничего не оставалось, ведь убежать из рук мастера никоим образом не позволит печать. Щелчок пальцами и его жизнь оборвется.

Медленным шагом оба человека направились в комнату мастера. Высокие и арочные потолки, дополняли пыльные шкафы, соответствующего размера. Ветер свистел за окном, обшитым кладкой. Но это не мешало холодным потокам проникать внутрь. Подойдя к нужному месту, юноша отчетливо мог разглядеть своего владельца и других в чёрных мантиях. Ни говоря слов, они ему указали встать в центр пентаграммы.

- Можно узнать ваше имя? - спросил герой в надежде, узнать “купившего” его существа, при этом не забывая о вежливости.

- Будешь звать меня Валар-ди-Монар, - сказал властным, сильным голосом маг.

Что было удивительным, Монар выбрал этого юношу не за красивые глаза, а по двум причинам: за бездонность души, которая могла вместить всех духов мира, и из-за чувства, словно в душе этого юноши лежит будущее.

Из уважения, герой поклонился и встал ровно по центру круга, как ему собственно и велели.

“Как только у меня появится возможность, найду того человека забравшего все и верну всю обиду и боль сполна!”, - лицо юноши исказилось сложной гримасой чувств, но никто не заметил это.

Колдуны начали бубнить под нос различные заклинания. Пентаграмма приобрела багровый окрас, а воздух начал тяжелеть и привкус меди чувствовался на языке. Капли холодного пота начали стекать со спины и впитываться в новую одежду серого цвета. Страх не было, но нагнетающие чувство не пропадало, что словно сила другого мира начала собирать в

окружении. Потусторонние крики резали слух, а глаза сушило. Сильные порывы энергии ломали старые деревянные шкафы. Грохот и треск были столь сильны, что у главного мага возникло желание прекратить призыв души, но жажда знания была сильнее. Время ускорило, свет солнца погас, словно настало затмение, но было слишком поздно что-то изменять - душа вырывалась. Серый поток входил в тело юноши, переполнял, и растягивал кожу. Зрелище не из приятных: через все доступные пути и поры новопришедшая душа вселилась в юношу.

Возник следующий вопрос в голове Монар: «Кого я призвал в этот мир? Вестника смерти, прошлого владыку тьмы? Мортиса или Атиса?», - только эти существа за легендами могли нести невыносимую боль душе, из-за чего и рос объем силы.

Вскриков от юноши не было, ведь глотку заполнял поток души; чувство переносимого ужасно. Затухал собственный голос, он перестал слышать себя. Навязчивые тяжёлые голоса словно удары молота били в голову юноши: «Прими нас и мы примем тебя», - подобные слова пугали и давали на разум. Если не ответить этот ужас не прекратится.

Кто-то из магов пытался подойти и сломать пентаграмму, дабы закончить творящийся хаос, но Монар ударил молнией по лицу наглеца.

- Мы будем смотреть до конца, - силой в голове проговорил Валар-ди-Монар.

<http://tl.rulate.ru/book/21582/445191>